

ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Согрин Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, председатель Российской ассоциации историков-американистов (Москва, Россия).

E-mail: vsogrin@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждена тема соотношения школьного учебника по истории и принципов профессиональной историографии. Обратившись к теме периодизации новой и новейшей истории, автор в качестве первого этапа называет XVI–XVII вв. Это соответствует одобренному профессиональной историографией постсоветского периода выделению обозначенных веков в раннее новое время. Обсуждая этап постиндустриального общества, автор считает необходимым преодолеть в школьном учебнике «европоцентристский перекося», уделив внимание странам Азии, Латинской Америки, Африки, США.

Автор обращает внимание на стремление власти возвеличить в исторических представлениях россиян российскую империю, ее монархов и признать крушение империи национальной трагедией, имевшей не естественный, а искусственный характер, т.е. «рукотворной». В отличие от 1990-х годов, когда властью ниспровергалась Октябрьская революция, сегодня причиной трагедии объявляют всю революцию, включая Февраль. По убеждению автора, в основу учебной исторической литературы должен быть положен принцип историзма, что сблизило бы ее с профессиональной историографией. основополагающая платформа профессиональной историографии — это историзм. Его антитеза — презентизм, равнозначный подчинению исторической интерпретации сегодняшнему дню — «политика, опрокинутая в прошлое». Это ставит в качестве важной задачи выработку морально-этического кодекса непредвзятого и сбалансированного привлечения и изложения исторического материала темы, максимального приближения к точной мере противоречивых и разнообразных исторических фактов.

Ключевые слова: школьные учебники по истории, профессиональная историография, взаимоотношения.

V. V. Sogrin

School History Books and Professional Historiography

Vladimir Sogrin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Russian Association for Advancement of Studies in American History (Moscow, Russia).

E-mail: vsogrin@yandex.ru

Abstract. The article discusses relationship between school textbooks on history and principles of professional historiography. Referring to the topic of the periodization of modern and recent history, the author calls the XVI–XVII centuries as the first stage. This corresponds to the allocation of the designated centuries in the early modern history approved by professional historiography of the post-Soviet period. Discussing the stage of the post-industrial society, the author considers it necessary to overcome the “eurocentric

imbalance” in the school textbook, paying attention to the countries of Asia, Latin America, Africa, USA.

The author draws attention to the desire of the authorities to exalt the Russian empire, its monarchs in the historical views of the Russians, and to recognize the collapse of the empire as a national tragedy, which was not natural but artificial. Unlike the 1990s, when the October Revolution was overthrown by authorities, today the whole revolution, including February, is declared the cause of the national tragedy. In opinion of the author the principle of historicism should be the basis of educational historical literature, which would bring it closer to professional historiography. The fundamental platform of professional historiography is historicism. It's antithesis — presentism, equivalent to the subordination of historical interpretation to the present day — «politics, overturned into the past». This sets as an important task the development of a moral and ethical code of an unbiased and balanced attraction and presentation of the source material of the studied topic, the maximum approximation to the exact measure of contradictory and diverse historical facts.

Keywords: school history books, professional historiography, relationship.

С интересом прочел статью Л. С. Белоусова. Попробую обсудить некоторые ее положения, следуя принципу *диалога* — обмена аргументами в целях приближения к истине, что предполагает восприятие приводимых оппонентом убедительных аргументов, выводов, выверенных фактов. Я не оспариваю права автора придерживаться выдвинутых положений, если мои покажутся неубедительными.

1. Начну с обсуждения периодизации. В качестве первого этапа автор называет XVI–XVII вв. Это справедливо и соответствует одобренному профессиональной историографией постсоветского периода выделению обозначенных веков в *раннее новое время*.

Дальнейшие периоды нового времени изучаются: XVIII в. — в 8 классе, XIX в. (до 1914 г.) — в 9, весь остальной период — в 10–11 классах (в зависимости от базового или профильного уровня обучения). Автор предлагает изучать Французскую революцию и период Наполеоновских войн в одном классе, обозначив «Венский конгресс» как верхний хронологический рубеж». Я с этим согласен, добавив, что эпоху Французской революции и наполеоновских войн важно рассматривать синхронно с промышленным переворотом в Англии, что дало основание Э. Хобсбоуму выдвинуть убедительную, на мой взгляд, концепцию «двойной революции»¹.

Я согласен, что период новейшей истории завершается с окончанием «холодной войны», т.е. в начале 1990-х годов. Последующий период можно обозначить как *историю современности*, но вот основные тенденции этого периода требуют обсуждения. Автор сосредоточивается на феномене постиндустриального общества, но существуют и другие, не менее важные тенденции, прежде всего геополитическое соперничество, на котором сосредоточены сегодня политические телевизионные ток-шоу. А постиндустриальное общество имеет разнovidности в разных регионах. Обсуждение регионального аспекта выпало из поля зрения автора, его материалу присущ «европоцентристский перекоc», а ведь нынче требуется знать историю Азии, Латинской Америки, Африки не в меньшей степени, чем историю Европы и США.

2. Теоретико-методологические вопросы.

Автор много пишет по их поводу, а если обозначить квинтэссенцию его суждений, то я бы выделил два: «Крушение СССР повлекло за собой разрушение сложившейся за долгие годы системы школьного исторического образования... ушли в прошлое идеологически выверенные единые для всей страны линейки учебников по отечественной и всеобщей истории». И другое: «Избыточность материала отчасти объясняется тем,

¹ Хобсбоум Э. Век революции. 1789–1848. Ростов-на-Дону, 1999.

что методологической базой ИКС служит (и должен служить) принцип историзма. Нет оснований сомневаться в его универсальности и необходимости применения при подготовке школьных учебников».

Боюсь, что автору присущи несколько идеализированные представления о школьных учебниках. На мой взгляд, к ним применим известный принцип Дж. Оруэлла «Кто контролирует настоящее, тот контролирует и прошлое». Это суждение верно для всех стран, включая и «развитые демократии», среди них США и Европейский союз. Верно оно и для России. После распада СССР прежние учебники по истории были отменены, и российским правительством Б. Н. Ельцина была взята на вооружение либеральная антикоммунистическая и антисоветская историческая доктрина, которая легла в основу учебной литературы. Это диктовалось установками министерства образования Российской Федерации. Новая политизация учебной исторической литературы поразила даже западных специалистов. Р. У. Дэвис в критическом ее анализе отмечал: «Использование термина “тоталитаризм” для характеристики сталинского режима — вопрос крайне противоречивый. Но Министерство образования Российской Федерации возвело концепцию в новую догму»². Новые догмы нередко приобретали карикатурный характер. В учебном пособии, изданном в 1993 г., советский период изложен в трех главах: «Год 1917: через свободу к диктатуре», «Становление коммунистического тоталитаризма» и «Преодоление тоталитаризма»³.

Либерально-западнический догмат, утвердившийся в 1990-е годы, не смог удержать господствующего положения. Его крах был обусловлен новой переменой политической ситуации в России. Сильнейший удар по российскому либерализму нанесли радикальные реформы 1990-годов и последующие перипетии. Россияне вместо обещанной североамериканской или западноевропейской общественной модели получили некую смесь латиноамериканской модели и социал-дарвинистского чиновного капитализма. Россия разделилась на узкое сверхбогатое меньшинство и бедное большинство. Вместо правового государства утвердился беспредел и коррупция чиновников. Власть стала прибегать к социальной и патриотической риторике, в том числе в трактовках прошлого, утверждая новые, угодные ей, представления.

Многие обратили внимание на стремление власти возвеличить российскую империю, ее монархов и признать крушение империи национальной трагедией, имевшей не естественный, а искусственный характер, т.е. «рукотворной». В отличие от 1990-х годов, когда ниспровергалась Октябрьская революция 1917 г., сегодня причиной трагедии объявляют всю революцию, включая Февраль.

Я приветствую тот тезис, что в основу учебной исторической литературы должен быть положен принцип историзма, что сблизило бы ее с профессиональной историографией. Основополагающая платформа профессиональной историографии именно историзм. Его антитеза — *презентизм*, равнозначный подчинению исторической интерпретации сегодняшнему дню — «политика, опрокинутая в прошлое». Для меня классическим определением историзма остается ленинское: «Не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»⁴. Рассмотрев сквозь эту призму Российскую революцию 1917 г. и принимая во внимание последствия и практическую реализацию большевистской революции на протяжении

² Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999, с. 50.

³ Цит. по: Козлов В. А. Российский посткоммунистический синдром: «разрушенное прошлое» и кризис советской идентичности. — Общественные науки и современность, 2003, № 4, с. 87.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

70 с лишним лет советской истории, нельзя, как представляется, не признать их глубокой противоречивости и в ретроспективной оценке поражения. Но, на мой взгляд, это не равнозначно отрицанию исторической обусловленности революции 1917 г., как февральского, так и октябрьского этапов. Я также принимаю необходимость раскрытия «цены» революции, которая заняла важное место в историографии постсоветского периода. В революции 1917 г. это была высокая кровавая «цена». Но и она не способна опровергнуть исторической обусловленности революции, и, кроме того, «цена» революции не может оцениваться односторонне (замалчивая «цену» белого террора).

Телевизионные каналы сосредоточились на исторических фильмах и сериалах, посвященных российским монархам, изображая их в позитивном, а часто в откровенно апологетическом ключе. Российским монархам и империи посвящаются книги, газетные публикации, документальная беллетристика. В качестве одного из главных позитивных персонажей истории предстает Николай II. Произошло, как показывают социологические опросы, снижение в историческом сознании россиян роли Российской революции 1917 г., ее вождя В. И. Ленина и повышение симпатий к имперской России⁵. Именно этот взгляд на революции, включая зарубежные, воплотится, на мой взгляд, в исторических учебниках. Я буду приятно удивлен, если увижу в российских учебниках их изложение, соответствующее требованию профессионального историка Л. С. Белоусова.

3. Источники. Л. С. Белоусов выдвигает положение: «... выпускник общеобразовательного учреждения должен, на наш взгляд, знать, откуда историкам известны те или иные факты, почему их можно считать достоверными, как они интерпретируются, как они связаны с идеологией и политикой, почему историю часто переписывают и нередко фальсифицируют?» Вопрос правомерен, другое дело, как достичь поставленную цель? Известный отечественный исследователь, И. Д. Ковальченко, выражая мнение широкого круга профессионалов, писал: «Факты исторического источника представляют собой отражение фактов действительности творцом источника. Оно, как и всякое отражение, субъективно... Научно-исторический факт — это отражение историком фактов исторической действительности на основе фактов источника. Следовательно, научно-исторический факт — в целом дважды субъективизированное отражение прошлого»⁶.

Историки, придерживающиеся разных концепций, могут приводить и приводят в их подтверждение разные данные источников. Вот пример из личного опыта участия в телевизионном ток-шоу «Право голоса» в 2014–2015 гг. В. Ю. Крашенинникова, кандидат исторических наук, тогда президент института внешнеполитических инициатив и ведущий сотрудник информационного агентства «Россия сегодня», в связи с 70-летием высадки союзников СССР в Нормандии доказывала, что США осуществили высадку во Францию исключительно в целях опережения СССР в оккупации Германии и что целью США во Второй мировой войне было ослабление России, а не победа над Германией. Она опиралась на широко известное суждение Г. Трумэна, сделанное им в начале войны Германии против СССР: если Америка увидит, что побеждает Германия, нужно помогать СССР, но если будет побеждать СССР, то нужно помогать Германии. Я, признавая этот факт, учитывал и иное. Главой США во время Второй мировой войны был не Трумэн, а Ф. Д. Рузвельт, который, как показывают

⁵ См. напр.: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revolutsiya-2/>; <https://www.levada.ru/2017/06/26/vydayushiesya-lyudi/>; <https://www.levada.ru/2017/05/23/stalinskie-repressii/>; <https://www.levada.ru/2016/11/01/ivan-groznyj-znanie-i-otsenki/>; <https://www.levada.ru/2013/08/19/gkchp-v-pamyati-rossiyan/>.

⁶ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987, с. 130.

факты, считал подход Трумэна «безответственным» и твердо поддерживал союзнические отношения с СССР, хотя и не одобрял советскую цивилизацию, стремясь возвысить США. Трумэн, один из инициаторов «холодной войны», сменил Рузвельта на президентском посту уже после смерти последнего в апреле 1945 г. И В. Ю. Крашениникова, и я опирались на имевшие место факты, но приходили к противоположным выводам. При этом Крашениникова позиционировала себя как выразитель неоспоримой истины, основывалась не на диалоге с оппонентом, а на противоборстве, заявив, что проработала американские архивы, а я — ничтожный невежа, не заслуживающий ее внимания. Откровенно лебезивший перед ней ведущий — «модератор» признал ее вывод единственно верным. На другом ток-шоу, посвященном происхождению «холодной войны», участник большинства ток-шоу С. А. Марков потребовал, чтобы я излагал ее историю «с российской точки зрения». Модератор признал такой подход единственно соответствующим исторической истине. С того времени я отказывался от участия в ток-шоу, хотя предложения поступали со всех ведущих телевизионных каналов.

Дифференциация и отбор источников зависят от авторского мировоззрения, хотя многие историки в этом не готовы признаться, а то и искренне убеждены, что свободны от всяких идеологических воздействий. Это ставит в качестве важной задачи разработку у профессионального историка морально-этического кодекса непредвзятого и сбалансированного привлечения и изложения источникового материала исследуемой темы, максимального приближения к точной мере противоречивых и разнообразных исторических фактов. Такой кодекс не может быть предложен в качестве некоего закона, но его присутствие в профессиональной историографии необходимо.

Возможно ли изложение в школьном учебнике источников, соответствующее критериям профессиональной историографии? На мой взгляд, сомнительно.

Между самими профессиональными историками существуют разногласия по целому ряду важных вопросов. Например, я не согласен с тем утверждением Л. С. Белоусова, что «обе мировые войны были порождением, прежде всего, системных противоречий между ведущими капиталистическими странами». По моим выводам, Вторая мировая война возникла не вследствие конфликта двух капиталистических сил (либеральный и тоталитарный капитализм), а по причине более многостороннего антагонизма. Изначальной целью фашистской экспансии, как она определялась Гитлером, был социалистический СССР по этнической и идеологической причинам (славяне — «низшая раса»; управляется «евреями — марксистами»). Другой главный противник Гитлера — либеральный капитализм в лице его европейских лидеров Франции и Англии политикой «умиротворения» Германии ставил целью направить фашистскую агрессию против СССР. Со своей стороны, лидер СССР И. В. Сталин августовским договором 1939 г. с Германией направил германскую агрессию против европейских демократий. После того как все они, кроме Англии, были Гитлером повержены, в защиту либерального капитализма выступили США. А после нападения Гитлера на СССР 22 июня 1941 г. две силы — либеральный капитализм и советский социализм выступили в совместном союзе против тоталитарного капитализма. Победа над последним была одержана в 1945 г., и уже два прежних союзника — США и СССР — начали борьбу за мировое лидерство. Так, согласно моим материалам и аргументам, возникла «холодная война»⁷.

Есть у меня разногласия с Л. С. Белоусовым и по ряду других вопросов новой и новейшей истории. Но это уже другая тема. Здесь же подчеркну, что в силу названных мною причин школьный учебник по новой и новейшей истории, отвечающий

⁷ Согрин В. В. История США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015, с. 210–252.

критериям профессиональной историографии проблематичен. Но это не означает, что профессиональная историография должна устраниться от участия в создании школьных учебников по истории.

Библиография

- Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999.
Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
Козлов В. А. Российский посткоммунистический синдром: «разрушенное прошлое» и кризис советской идентичности. — Общественные науки и современность, 2003, № 4.
Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39.
Согрин В. В. История США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015.
Хобсбоум Э. Век революции. 1789–1848. Ростов-на-Дону, 1999.

References

- European experience and history teaching in post-Soviet Russia. Moscow, 1999. (In Russ.)
Hobsbom E. Century Revolution. 1789–1848. Rostov-on-Don, 1999. (In Russ.)
Kovalchenko I. D. Methods of historical research. Moscow, 1987. (In Russ.)
Kozlov V. A. The Russian Post-Communist Syndrome: “Shattered Past” and the Crisis of Soviet Identity. — Social Sciences and Modernity, 2003, № 4. (In Russ.)
Lenin V. I. Full composition of writings, t. 39. (In Russ.)
Sogrin V. V. History of the USA in the XX–XXI centuries. Liberalism. Democracy. Empire. Moscow, 2015. (In Russ.)